

Виктор Безматерный

СЕРДЦЕ-ДРЕВОТОЧЕЦ

«Город убил её душу.
Усадьба Норин
научила её дышать снова»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Безматерный
Сердце-древоточец

«Автор»

2026

Безматерний В.

Сердце-древоточец / В. Безматерний — «Автор», 2026

В этом доме — есть только тайны, которые ждут своего часа. Кристина Каренина приехала сюда, чтобы сбежать от шума города, но нашла нечто большее: древнюю библиотеку, полную забытых знаний; старую ведьму, которая знает цену каждому слову; и девочку-призрак, что помнит больше живых. Здесь стены дышат историей, а каждая тень скрывает ключ к прошлому. Дом не хочет её смерти — он хочет, чтобы она стала частью его истории. Это роман о том, как найти себя среди руин прошлого, где магия прячется за каждой дверью, а самые важные ответы лежат под слоем пыли.

© Безматерний В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Виктор Безматерний	5
Глава 1.	6
Глава 2.	11
Глава 3.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виктор Безматерный Сердце-древоточец

Виктор Безматерный

Глава 1.

Я считаю секунды. Это единственный вид математики, доступный моему воспаленному мозгу в четыре часа утра. Раз-два — вдох. Он дается с трудом, словно я глотаю не кислород, а раскаленный песок. Три-четыре — выдох. Свистящий, влажный, похожий на звук проколотой велосипедной шины. Пять-шесть... Семь. Пауза. Самая страшная часть этого ритуала. Восьмой удар всегда кажется последним. Сердце замирает где-то в районе кадыка, пропуская такт, и мир вокруг схлопывается до размеров моей грудной клетки. Я жду. Жду удара, который либо вернет меня к жизни, либо отправит наконец в ту самую темноту, по которой я так истерически сучаю последние три месяца. Девять. Десять. Удар приходит — тяжелый, болезненный, отдающийся тупым молотом в основании черепа.

Тишина в квартире становится невыносимой именно в эти паузы. Она звенит натянутой струной, вибрирует от напряжения. Моя квартира на двенадцатом этаже новостройки в спальном районе Москвы больше не похожа на жилье. Это камера сенсорной депривации наоборот. Здесь слишком много раздражителей, но ни один из них не приносит облегчения. Воздух густой, спертый, пахнувший перегоревшим озоном от постоянно работающего очистителя и застоявшимся кофе. Я варю его литрами, надеясь, что горечь хоть немного прочистит туман в голове, но напиток давно перестал бодрить. Теперь это просто горячая горькая вода, которую я пью по привычке, чтобы занять руки.

За окном пульсирует свет. Прямо напротив моего окна, на первом этаже приземистого торгового центра, работает круглосуточный магазин «Продукты». Его вывеска бьет мне прямо в лицо сквозь неплотно закрытые жалюзи. Мертвенно-синий неон сменяется трупно-розовым. Синий. Розовый. Синий. Этот ритм стал моим новым пульсом, внешним метрономом, под который мое внутреннее сердце пытается подстроиться. Синий цвет делает тени в углах комнаты острыми, как лезвия канцелярских ножей. Розовый заливает стены цветом несвежего мяса, превращая мою бежевую мебель в нечто больничное, анатомическое.

Я лежу на диване уже четвертые сутки. Или пятые? Время потеряло линейность. Оно теперь измеряется количеством пустых блистеров на прикроватной тумбочке. Тридцать восемь таблеток мелатонина, фенибута, каких-то тяжелых рецептурных бензодиазепинов, названия которых я даже не пытаюсь запомнить. Они лежат ровными рядками, как гильзы после расстрела. Никто из них не справился. Мой мозг оказался слишком изобретательным паразитом: он научился вырабатывать толерантность к химии быстрее, чем фармацевты успевают синтезировать новые формулы. Каждая таблетка теперь превращается просто в вязкую слюну во рту и кратковременную тошноту.

Тело затекло. Каждое движение требует титанических усилий, словно я пытаюсь пробежать марафон по пояс в застывающем бетоне. Шея одеревенела. Когда я поворачиваю голову, раздается сухой треск ломающихся веток. Позвонки встают на место со щелчками дешевого китайского замка. Я чувствую каждую мышцу спины, сведенную судорогой ожидания падения. Кошмар о падении с высоты преследует меня еженощно. Иногда это старый пожарный выход без перил, иногда — стеклянный мост над Гранд-Каньоном, которого никогда не существовало. Но физика сна всегда одинакова: абсолютная беспомощность, ветер, рвущий волосы, и осознание того, что бетон внизу приближается мучительно медленно.

Я переворачиваюсь на спину. Лежать больно. Ребра упираются в жесткие деревянные ламели основания дивана. Каждый позвонок считает трещины на потолке. Их ровно двадцать три. Я знаю их все в лицо. Первая, самая длинная, идет от люстры к углу над шкафом, ветвясь у самого финиша, как сухое мертвое дерево. Двадцать вторая напоминает географическую карту Италии. Двадцать третья — тонкая, волосяная царапина — начинается аккуратно над дверным проемом. Если долго смотреть на нее, не моргая, начинает казаться, что потолок медленно, миллиметр за миллиметром опускается вниз. Еще пара ночей без сна, и эта штукатурка раздавит меня окончательно. Эта мысль не пугает. Впервые за долгое время она звучит почти утешительно. По крайней мере, это будет конец счета. Конец этой бесконечной пытки синим и розовым светом.

Мой взгляд падает на стену слева. Обои здесь дешевые, бумажные, с ненавязчивым геометрическим узором. Но сейчас, в полумраке спальни, линии начинают плыть. Геометрия искажается. Квадраты вытягиваются, превращаясь в черные прямоугольные провалы. Двери. Сотни дверей в никуда. Из-за одной такой воображаемой двери тянет сквозняком. Запах мокрой шерсти, прелой листвы и холодной земли. Так пахнет в склепе или в глубоком деревенском погребе в октябре. Откуда этот запах в герметичной московской коробке?

Пульс снова подскакивает. Адреналин впрыскивается в кровь ледяной иглой. Мне кажется, что кто-то стоит у изголовья кровати. Не дышит, не двигается — просто присутствует тяжелой, давящей массой. Я хочу включить бра над головой, но рука отказывается подниматься. Пальцы намертво вцепились в край простыни. Если я включу свет, я увижу то, что там стоит. А если не включу, оно само подойдет ближе.

— Хватит, — шепчу я в темноту. Голос сиплый, чужой, сорванный от беззвучных криков, которые я издаю во сне. — Просто дай мне уснуть. Хотя бы на час. Настоящий, черный, глухой час.

Темнота отвечает мне гудением холодильника на кухне. Механический, равнодушный звук. Техника живет своей жизнью, пока хозяйка квартиры распадается на атомы бессонницы.

Я закрываю глаза, готовясь к очередному прыжку в бездну. Зажмуриваюсь так сильно, что перед веками вспыхивают белые пятна. И начинаю новый отсчет между ударами сердца. Раз-два...

Вдох обжигает горло. Я делаю глотательное движение, пытаюсь протолкнуть ком паники глубже. Вспоминаю инструкции психолога, к которому ходила два раза, прежде чем сбежать от ее сочувствующего взгляда. *«Назовите пять вещей, которые вы видите»*.

Раз. Жалюзи. Пластиковые, пожелтевшие от времени планки. Между ними пробивается полоса синего света.

Два. Стопка книг на полу. Мураками, Кафка, учебник по нейробиологии первого курса университета. Прошлая жизнь.

Три. Красное пятно на обоях. Нет, это игра теней от вспышки магазина. Розовый. Снова розовый.

Четыре. Свои руки. Бледные, бескровные, с четко проступающими венами. Ногти коротко стрижены, кутикулы сгрызены до мяса.

Пять. Африка. На старых советских обоях в гостиной действительно есть пятно, ввевшаяся грязь в форме африканского континента. Бабушка говорила, что это мы пролили чернила, когда я училась писать.

Пять вещей на месте. Мир реален. Я не упала. Я все еще здесь. В этой душной шкатулке, обитой бархатом цвета венозной крови.

Телефон на полу мигает экраном. Пропущенный вызов от матери. Четыре пропущенных. Она звонит каждый вечер ровно в девять, чтобы проверить, жива ли я. Я люблю ее, Господи, как же я ее люблю, но звук ее голоса вызывает у меня физическую крапивницу. Ее забота — это еще одна форма давления, еще одни весы, на которых взвешивают мою никчемность. *«Кристиночка, ты выпила таблетки? Ты ела? Соседка сверху сказала, что вчера слышала крик»*. Соседи ничего не слышали. Стены тут звуконепроницаемые. Крик остался внутри меня, запекся в легких черной сажей.

Я перекатываюсь на бок и свешиваю ноги с дивана. Пол холодный. Даже через плотные носки я чувствую эту мертвую прохладу бетона под ламинатом. Нужно встать. Принять контрастный душ. Включить ноутбук. Сделать вид, что я функционирующий член общества, готовый анализировать падение продаж кофейных зерен из Эфиопии.

Я встаю, придерживаясь рукой за стену. Комната совершает плавный оборот градусов на пятнадцать вправо. Вестибулярный аппарат бастует. Приходится замереть на несколько секунд, уткнувшись лбом в холодную краску, пока тошнота не отступит.

Подхожу к окну. Приникаю лицом к щели между пластиковыми рамами. Внизу осень. Московская, грязная, липкая. Черный асфальт блестит от недавнего дождя, отражая ту самую красно-синюю вывеску. Мокрые голые ветки тополя скребутся о стекло, словно тонкие костлявые пальцы. Там, внизу, люди идут по лужам. Кто-то ругается по телефону, прижав смартфон к уху плечом. Кто-то спешит домой к теплему ужину. Их жизни кажутся мне фильмом, снятым на другой планете. Я смотрю на них, как энтомолог смотрит на муравьев через стекло инсектария — с отстраненным любопытством существа другого вида. Как они могут дышать этим воздухом? Как они могут спать по ночам?

Мои плечи дрожат. Озноб сотрясает тело крупной, неконтролируемой дрожью. Это не холод. Это распад нервной системы. Передозировка страхом.

Я отхожу от окна. Подхватываю с кресла мягкий плед, заматываюсь в него, пряча подбородок в колючую шерсть. Сажусь обратно на диван, подтянув колени к груди. Поза эмбриона. Единственное положение, в котором кости не вопят от боли.

Взгляд снова цепляется за трещину номер семнадцать. Она похожа на молнию. Говорят, молния никогда не бьет дважды в одно место. Ложь. Мой персональный шторм бьет сюда каждые сорок минут.

Я достаю из-под подушки упаковку снотворного. Последнюю. Осталось две капсулы. Белые, глянцевые, похожие на маленькие могильные камни. Я верчу одну из них в пальцах. Химическая точка невозврата. Завтра нужно вызывать врача. Выпрашивать рецепт. Объяснять потухшей женщине в белом халате, почему предыдущие десять видов транквилизаторов пре-

вратили меня в пускающую слюни куклу. Я не хочу туда идти. Очереди в районной поликлинике пахнут отчаянием и дешевыми духами.

Резкий звук заставляет меня вздрогнуть. Что-то упало в коридоре. Легкое, пластиковое. Кажется, ручка от зонта, которая вечно скатывалась с полки для обуви.

Я замираю. Кровь стучит в ушах. Коридор абсолютно темен. Входная дверь закрыта на оба замка, на задвижку и на цепочку — мой ночной невроз заставил превратить квартиру в форт Нокс. Сквозняка быть не может. Дом старый, но крепкий.

Но запах... Запах мокрой шерсти и земли усилился. Теперь он исходит не от окна. Он ползет из-под двери ванной комнаты.

Сердце пропускает удар. Потом еще один. Начинает разгоняться до скорости отбойного молотка.

— Кто здесь? — хриплю я. Звук получается жалким, каркающим.

Тишина. Только мерный гул вентиляции в туалете. И синий-розовый, синий-розовый свет с улицы.

Я крепче сжимаю края пледа. Зубы выбивают дробь. Я схожу с ума. Вот оно. Финальная стадия истощения ЦНС. Сейчас из ванной выйдет кто-нибудь — маньяк с ножом, чудовище из детских кошмаров, да кто угодно — а я даже не смогу закричать. Горло сведет спазмом.

Проходит минута. Две. Ничего не происходит. Гул вентиляции остается прежним. Африка на стене в гостиной никуда не делась. Двадцать три трещины на потолке на своих местах.

Это просто дом. Старый фонд дает усадку. Ручка упала сама. А запах... наверное, засорился слив в стояке, вот и несет гнилью из подвала. Логика. Спасительная, скучная логика здорового человека.

Я глубоко вдыхаю носом. Раз. Два. Три. Четыре. Задерживаю дыхание. Выдыхаю. Пять. Шесть. Пакет. Мне нужен бумажный пакет, но бумаги в комнате нет. Есть только страницы Мураками.

Я решаю включить везде свет. Залить эту квартиру электричеством, выжигать тьму киловаттами, пока от призраков не останется пепел. Протягиваю руку к торшеру. Палец висит над кнопкой.

А что, если я нажму, а комната окажется пустой? Что, если никакого запаха нет, а мои легкие просто сгнили изнутри от недосыпа? Что страшнее: встретить монстра или окончательно убедиться, что монстр — это я?

Я убираю палец от выключателя. Оставляю комнату в полумраке. Пусть лучше неизвестность. В темноте хотя бы можно убедить себя, что синие и розовые всполохи — это всего лишь реклама круглосуточного магазина, а не предсмертные искры собственного рассудка.

Слезы наконец прорываются наружу. Горячие, едкие, они текут по щекам, попадая в уголки рта. Соленые. Значит, химический состав тела еще человеческий. Я плачу тихо, сдавленно, кусая собственный кулак, чтобы подавить рвущиеся наружу звуки. Плачу не от страха перед монстром в ванной. Я плачу от усталости. От осознания, что завтра наступит утро, потом день, потом снова ночь, и этот цикл придется повторить. Считать секунды. Бояться потолка. Смотреть на Африку на стене.

Я ложусь, подтягивая колени выше. Натягиваю плед на голову, создавая тесный, удушливый кокон из собственной вони и чужого тепла. Закрываю глаза.

Начинаю считать заново. Раз-два. Твердая поверхность дивана. Три-четыре. Язык ворочется во рту. Пять-шесть. Я настоящая. Семь-восемь. Потолок не упал. Пока. Девять-десять.

Сон не идет. Вместо него приходит вязкая, тяжелая дрема, полная ощущения падения. Я лечу спиной вперед в темноту, и чьи-то невидимые руки поддерживают меня под локти, не давая разбиться, но и не позволяя коснуться ногами дна.

Глава 2.

Земля уходит из-под ног. Это происходит не во сне, хотя грань между забытьем и реальностью стерлась до состояния мутной акварели, размазанной по мокрой бумаге. Сон закончился секунду назад, оборвавшись беззвучным криком, который застрял где-то в трахее ледяным осколком. Я распахиваю глаза. Темнота спальни больше не кажется просто отсутствием света; она стала плотной, осязаемой субстанцией, тяжелым черным одеялом, которое давит на грудную клетку, выдавливая остатки кислорода.

Неоновый свет с улицы почему-то не пробивается сквозь веки. Розово-синий пульс исчез. В комнате абсолютный, первобытный мрак. Неужели магазин закрылся? Абсурдная мысль царапает сознание своей неуместностью. Какая разница, работает ли круглосуточная лавка, если мои легкие горят огнем от нехватки воздуха?

Я лежу на полу. Щека прижата к ковру. Дешевый синтетический ворс впивается в кожу, оставляя на ней мелкий геометрический узор. Пахнет пылью, моим собственным кислым потом и чем-то еще — озоном после грозы. Сердце колотится уже не в груди, а где-то в основании черепа, превращая мозг в вибрирующий студень. Я тяжело дышу открытым ртом, заглатывая воздух порциями, как выброшенная на берег рыба. Легкие работают на пределе, но насыщения нет. Во сне я снова бежала по бесконечному коридору старого вокзала, уворачиваясь от ржавых конструкций, пока доски под ногами не закончились, превратившись в пустоту. И я прыгнула. Ощущение свободного падения было настолько физически достоверным, что вестибулярный аппарат отказывается верить в твердый пол прямо сейчас.

Нужно доказать себе, что гравитация существует. Что мир реален. Что законы физики все еще применимы ко мне.

Я вытягиваю руку вбок, слепо шаря в темноте. Пальцы скользят по ворсу, натыкаются на холодную металлическую ножку журнального столика. Настоящий. Твердый. Я цепляюсь за нее изо всех сил, чувствуя, как ногти соскребают старую краску. Затем подтягиваюсь второй рукой, хватаюсь за край дивана. Ткань обивки шершавая, неприятно влажная. Я перекатываюсь на матрас. Моя кожа покрыта липким, холодным потом, хлопковая футболка прилипла к лопаткам так плотно, словно стала второй кожей. Меня трясет крупной дрожью, которую невозможно унять волевым усилием. Это адреналин — бесполезный, токсичный гормон человека, которого пытаются заживо переварить его собственные кошмары.

Пол подо мной качается, словно палуба корабля в шторм. Я зажмуриваюсь и прижимаюсь щекой к ламинату. Дерево чуть теплое, оно пахнет старой мастикой и городской пылью. Я заставляю себя сосчитать до десяти, методично впечатывая каждый звук в гулкую тишину квартиры.

- Один. Твердая поверхность.
- Два. Я чувствую вес собственного тела, ребра впиваются в кости таза.
- Три. Гравитация держит.
- Четыре. Я не упала в ту пропасть.
- Пять. Я дома. В Москве. На двенадцатом этаже.
- Шесть. Руки целы.
- Семь. Ноги целы.

- Восемь. Африка на обоях должна быть слева.
- Девять. Двадцать три трещины на потолке над головой.
- Десять.

Открываю глаза. Комната та же. Но что-то изменилось безвозвратно. Воздух стал другим. Он потерял свою плотность, став разреженным и одновременно тяжелым, как перед ударом молнии. Запах озона от очистителя исчез, сменившись резкой нотой мокрой шерсти, прелой листвы и холодной стоячей воды. Так пахнет в склепе. Или в глубоком погребе усадьбы после недельного ливня.

Я медленно сажусь, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Зубы стучат друг о друга, отбивая рваный ритм. Нужно встать. Нужно включить свет. Выключатель торшера находится в трех шагах от дивана. Всего три шага по открытому пространству комнаты кажутся мне переходом минного поля. В этой крошечной тьме каждый знакомый предмет отбрасывает хищную, искаженную тень. Кресло в углу выглядит сгорбленным стариком, притаившимся в засаде. Силуэт напольной вешалки для одежды напоминает фигуру в балахоне с капюшоном, протянувшую костлявые руки прямо ко мне.

Я ползу. Опускаюсь на четвереньки, инстинктивно пытаюсь стать ниже, меньше, незаметнее. Ковровая дорожка под ладонями влажная. Откуда здесь вода? Мои ладони оставляют темные, блестящие следы на синтетике. Добираюсь до стены, встаю, пошатываясь, опираясь на обои спиной, и шарю рукой по пластику выключателя.

Щелчок.

Вспышка дешевой светодиодной лампы мощностью в тысячу люмен бьет по глазам, вызывая физическую боль, сравнимую с ударом кулаком. Я зажмуриваюсь, отворачиваюсь, прикрывая лицо локтем.

Комната залита резким белым светом. Никаких монстров. Никакого кресла-старика. Вешалка сиротливо стоит на своем месте, демонстрируя мое серое пальто. Пол абсолютно сухой. Ни единой капли влаги. Показалось. Конечно, показалось. Галлюцинации на почве депривации сна — классика жанра, параграф четвертый учебника по психиатрии. Я стою посреди собственной гостиной, голая по пояс, освещенная мертвенным электрическим светом, и начинаю смеяться. Сначала тихо, булькающе, затем смех переходит в истерические взрывы, сотрясающие плечи. Я плачу и смеюсь одновременно, кусая костяшки пальцев, чтобы задавить эти звуки, хотя прекрасно знаю, что соседей снизу нет — там живет глухая девяностолетняя старуха, а сверху квартиру вообще снимают посуточно.

Я смотрю на свои руки. На ладонях красные полосы от жесткого ворса ковра. Под ногтями темно-серые полумесяцы грязи. Когда я успела испачкаться? Я ведь не вставала с дивана. Разве что во сне... Я бегала по сырой земле? Копала могилы?

Подхожу к зеркальной дверце шкафа-купе, занимающего всю стену напротив окна. Из мутного серебра на меня смотрит чужое лицо.

Это не Кристина Каренина. Это маска смерти, натянутая на человеческий череп. Впалые, землистые щеки, синяки чернее ваксы провалами лежат под глазами. Губы искусаны в кровь, корочки лопнули, сочасть сукровицей. Волосы стоят дыбом, создавая вокруг головы безумный ореол статического электричества. Но страшнее всего глаза. Зрачки расширены так, что почти

полностью поглотили радужку, оставив лишь тонкое кольцо цвета выцветшей джинсы. Черные провалы в бездну, в которых плещется чистое, незамутненное безумие.

— Ты настоящая? — шепотом спрашиваю я у своего отражения, делая крошечный шаг вперед.

Отражение молча открывает рот, повторяя мою артикуляцию. Уголок левого глаза дергается в нервном тике. Да, оно настоящее. Самое пугающее чудовище в этой квартире — это я сама. Мой собственный взгляд, направленный изнутри наружу.

Я резко отворачиваюсь от зеркала, не в силах выдержать этот экзамен на человечность. Натягиваю первые попавшиеся спортивные штаны, которые висят на спинке стула, и толстовку с капюшоном. Капюшон я затягиваю максимально туго, пряча волосы. Завязываю шнурки двойным хирургическим узлом. Порядок действий успокаивает. Обуваюсь в тяжелые кроссовки. Теперь нужно найти работу. Любую работу, требующую физического присутствия вне этих стен. Грузчиком на склад, сборщиком ягод в теплице, кем угодно. Лишь бы уехать отсюда. Сменить треклятые двадцать три трещины на потолке на бетонную плиту ангара или грязное окно рейсового автобуса. Москва убивает меня медленнее, чем этот сон, но зато гораздо вернее.

Взгляд падает на экран телефона, лежащего на полу. Двадцать два пропущенных вызова. Все от матери. Последнее голосовое сообщение пришло сорок минут назад. Я нажимаю воспроизведение, зажимая динамик пальцем, чтобы звук был едва слышен.

«Кристия, господи, Крис! Я звонила тебе час назад, ты не брала. У тебя опять этот приступ? Сосед твой новый написал мне в мессенджере, говорит, слышал грохот. Я вызвала такси, буду через сорок минут, откроешь мне своим ключом, у меня запасной есть. Не смей открывать газ, слышишь? Я еду».

Паника новой, свежей волной поднимается от желудка к горлу. Нет. Только не это. Если мать придет сюда, увидит меня такой — босую, с дикими глазами, пахнущую страхом — ее сердце не выдержит. Ее любовь станет окончательным приговором. Она начнет звонить врачам, искать клиники неврозов, плакать на кухне. А я задохнусь от ее заботы быстрее, чем от недосыпа.

Я бросаюсь в прихожую. Судорожно проверяю замок. Закрыт. Цепочка накинута. Глазок темен.

Снова запах. Резкий, животный, металлический. Запах мокрой псины. Он исходит из ванной комнаты.

Дверь в ванную приоткрыта. Тонкая полоска света от торшера разрезает темноту санузла пополам. Там кто-то есть. Или *что-то*. Логика кричит, что это абсурд, что квартира заперта снаружи на два замка, но мой нос не умеет лгать. Шерсть. Мокрая, свалявшаяся, старая шерсть.

Я делаю шаг к двери. Босая ступня наступает на что-то маленькое и твердое, разбросанное по ламинату. Блистер. Еще один. Я раздавила оставшиеся таблетки. Химическая точка невозврата пройдена случайно, подошвой кроссовка.

Из глубины ванной доносится звук. Тихий, скребуший. Коготь? Ноготь? Проводят по кафельной плитке. Скр-р-р-рип.

— Кто здесь? — мой голос звучит сипло, незнакомо. — Мам, это ты? Ты зачем приехала без звонка?

Ложь жалкая. Мать никогда не приезжает без предупреждения, она панически боится нарушить чужие границы, даже если речь идет о дочери-суициднице.

Скрежет прекращается. Наступает звенящая тишина, в которой я слышу только оглушительный стук собственной крови.

И вдруг — порыв ледяного ветра. Окно в спальне закрыто, дверь в подъезд заперта, но сквозняк проносится сквозь меня, приподнимая волосы на затылке и швыряя в лицо облако того самого запаха — земли, гниющего дерева и звериной шерсти.

Воздух передо мной сгущается. Температура падает градусов на десять за долю секунды. Пар моего дыхания становится видимым, густым облачком оседая на стекле входной двери.

Там, в проеме ванной, прямо на границе света и тени, проявляется силуэт. Он не выходит из-за косяка. Он просто проступает в воздухе, как фотобумага, опущенная в проявитель. Сначала контур — размытый, дрожащий. Затем детали. Маленькая фигурка. Слишком маленькая для взрослого. Рост около полутора метров. Платье. Старомодное, ситцевое, в мелкий выцветший цветочек. Такие носили, наверное, в начале прошлого века. Голые ноги. Длинные, спутанные темные волосы, стекающие по плечам тяжелыми сосульками. С них на идеально чистый ламинат моей прихожей капает черная вода. Каждая капля падает с громким, отдающимся в барабанных перепонках звуком. *Плюх. Плюх.*

Она стоит неподвижно, слегка склонив голову набок, рассматривая меня. В ее позе нет агрессии. Только бесконечная, вселенская усталость и вопрос.

Мое горло сжимает спазм животного ужаса. Хочется заорать, броситься бежать, выпрыгнуть в окно, разбив москитную сетку. Но тело парализовано. Я могу только смотреть.

Девочка делает шаг вперед. Она не касается пола. Ее стопы проходят сквозь лужицу черной воды на паркете, не тревожа ее поверхности. Между нами остается метра полтора.

Ее рука — бледная, полупрозрачная в ярком свете торшера — медленно поднимается. Указательный палец направлен не на меня. На зеркало внутри шкафа-купе за моей спиной.

Я боюсь обернуться. Боюсь увидеть то, что видит она.

— Что... чего ты хочешь? — выдыхаю я.

Губы девочки не двигаются. Звук рождается прямо в центре моего мозга. Он похож на скрежет льда по металлу и одновременно на детский плач, записанный на замедленной скорости.

«Ты пришла в мой дом», — говорит призрак.

Я резко поворачиваю голову. Инстинкт самосохранения отключается, уступая место шоку. Взгляд мечется к зеркалу.

Оно пусто.

В овальном серебре отражается только моя собственная фигура в съехавшем набок капюшоне. Растрепанная, бледная, живая женщина тридцати лет. Никого рядом. Никакой девочки в ситцевом платье.

Резкий поворот головы обратно.

Коридор пуст.

Запах мокрой шерсти исчезает мгновенно, сменившись привычной вонью озона. Лужи черной воды на ламинате высохли, не оставив и следа, будто их впитало само дерево. Ламинат снова глянцевый и ровный. Раздавленные блистеры таблеток никуда не делись — белые крупинки рассыпаны полукругом возле моего правого кроссовка.

Я сползаю по стене на пол, ударяясь копчиком. Боль вспышкой прошивает позвоночник, приводя меня в чувство. Я судорожно ощупываю свое лицо. Нос, губы, скулы. Теплая, потная человеческая кожа.

На уровне моих колен, прямо на уровне того места, где стояла девочка, на сером ламинате остается влажный отпечаток маленькой ладони. Четкий, детальный. Пять пальчиков. Размером с мою чайную чашку. Вода прозрачная, но если прижаться, от нее несет той самой болотной гнилью.

Меня рвет желчью прямо на чистые полы. Спазм сгибает пополам, выдавливая из легких остатки воздуха. Я кашляю, захлебываясь, пачкая рукав толстовки.

Это не галлюцинация. Галлюцинации не оставляют физических следов. Они не пахнут. Они не понижают температуру в помещении.

Я отползаю от отпечатка, как от ядовитой змеи. Упираюсь спиной в закрытую дверь ванной. Дергаю ручку. Заперто. Изнутри.

Как? Я точно помню, что оставляла ее открытой после утреннего душа.

За дверью ванной снова раздается тихий, издевательский смешок. Высокий, звенящий, совершенно нечеловеческий. И звук льющейся воды. Ровный шум открытого на полную мощность крана. Хотя я знаю, что вентиль подачи воды в эту квартиру перекрыт главным краном в туалете еще со вчерашнего дня, потому что бачок унитаза тек, а вызвать сантехника у меня не было ни сил, ни денег.

Я вскакиваю на ноги. Ноги ватные, подгибаются. Хватаю ключи от машины со стеклянной полки в прихожей. Телефон. Где телефон?

Он лежит на полу. Экран разбит вдребезги — видимо, упал, когда я скатилась с дивана. Стекло превратилось в белую паутину. Включаю его. Чудом работает. Сорок процентов заряда.

Я не останусь здесь. Ни на одну ночь. Эта квартира высасывает из меня жизнь вместе с остатками рассудка. Мне нужен воздух. Лес. Стены из настоящего дерева, которые умеют дышать. Место, где можно спать в одиночестве, и никто не будет стоять за зеркалом.

Пока я обуваюсь трясущимися пальцами, из ванной продолжает нестись шум воды. Словно кто-то открыл шлюзы в преисподней.

Выбегаю на лестничную клетку, забыв захлопнуть дверь. Пусть берет. Пусть забирает телевизор, микроволновку, диван, Африку на обоях и свои чертовы черные лужи. Оставляет меня в покое.

Спускаюсь в лифте, прислонившись лбом к холодному металлу дверей. Меня все еще трясет. Пульс сто двадцать ударов в минуту. В состоянии покоя. Аппарат мерил давление месяц назад, цифры всплывают в памяти сами собой. Тогда терапевт сказал: «У вас типичная ВСД, идите гуляйте в парке».

Сейчас я готова отдать годовую зарплату за прогулку в самом грязном, загазованном парке Москвы. Только бы подальше от этого зеркала.

Только бы подальше от взгляда шестнадцатилетней утопленницы, которая теперь знает мой адрес.

Глава 3.

Виртуальный кабинет гудит чужими проблемами, и этот звук похож на жужжание высоковольтных проводов перед грозой. Прямоугольники лиц моих коллег — идеально выстроенные клетки цифрового зверинца — равномерно распределены по экрану ноутбука. У каждого своя рамочка: у кого-то размытый фон Бали, у кого-то книжный стеллаж из «Икеи», призванный подчеркнуть интеллект. Я вижу только их рты. Рты открываются и закрываются, выпуская слова, которые не имеют ко мне никакого отношения. Это защитная реакция мозга: отключать аудиовосприятие, чтобы сохранить остатки энергии.

Слева сверху Артем жалуется на подрядчиков в Китае. Его галстук съехал набок, лицо красное от праведного корпоративного гнева. Справа Ольга закатывает глаза так сильно, что видны белки, глядя на дедлайн, подсвеченный зловещим багровым цветом в общем календаре. А я борюсь с тошнотой. Она подступает вязким комком к самому горлу, стоит плотной пробкой из застывшей желчи прямо над кадыком. Стоит сделать глубокий вдох полной грудью, и меня вырвет прямо на клавиатуру за двести долларов. Желчь, вчерашний пустой чай и горькая слюна от десятка раздавленных таблеток.

Чтобы удержать завтрак внутри, я вынуждена сидеть совершенно неподвижно. Поза статуи. Спина прямая, плечи опущены, руки сложены на коленях под столом, вне зоны видимости веб-камеры. Любой поворот головы, любой наклон отправит содержимое желудка наружу фонтаном. Мой микрофон выключен. Правило номер один выживания в современном офисе: держи кнопку «Mute» нажатой, если не хочешь, чтобы коллеги слышали твой тремор или хрипы астматика.

Я прячу правую руку под столешницу. Там она может позволить себе слабость. Пальцы левой руки методично, почти незаметно постукивают по краю стола. Ритм сложный, синкопированный, джазовый. Ту-тум-ту-ту-тук. Пауза. Ту-тум. Этот звук никто не слышит, но он заземляет меня. Он напоминает моему мозгу, что у меня все еще есть кости, суставы и сухожилия.

На экране монитора открыта таблица Excel. Графики продаж нашей франшизы кофейни ползут вниз уже третий месяц. Красная линия графика точь-в-точь похожа на кардиограмму пациента в реанимации — длинные, плоские участки агонии, прерываемые короткими всплесками паники. Я должна анализировать причины падения конверсии. Вместо этого я считаю минуты до конца планерки, поглядывая на часы в правом нижнем углу экрана. 10:42. Прошло двенадцать минут. Осталось тридцать восемь. Целых две тысячи двести восемьдесят секунд ада. Секунд, наполненных запахом мокрой шерсти, который никуда не ушел. Он просто спрятался где-то за моими глазами, ожидая момента слабости.

Экран моего телефона, лежащего на коленях поверх провода зарядки, загорается. Сообщение от матери. Фон ее мессенджера украшен цветущими ромашками.

«Кристиночка, звонила твоя начальница. Сказала, ты выглядишь больной. Выпиши у врача "Феварин", соседке помогло, стала как огурчик. Просто возьми себя в руки, милая. Все болезни от нервов».

Возьми себя в руки. Фраза-паразит. Инструкция по сборке табуретки, примененная к разрушенной психике. Я представляю, как беру саму себя за плечи — тонкую, дрожащую конструкцию, покрытую липким потом — и со всей силы бью спиной о бетонную стену. Хруст шейных позвонков. Голова болтается. Не помогает.

Я быстро печатаю ответ большим пальцем, попадая мимо букв, отчего включается автокоррекция:

«Мам, всё окей. Обычный грипп. Врач выписал. Люблю».

Ложь дается легко. Она стала моим вторым языком. Родным для нее, мертвым для меня. Язык здоровых людей для успокоения родственников. Отправить.

Ольга тем временем передает слово мне. Ее квадратик увеличивается, занимая центр экрана. Камера смотрит на нее снизу вверх, искажая подбородок, но придавая образу значимости.

— Крис, логистика подвела, да? Клиенты недовольны сроками поставки зерен из Эфиопии. Что скажешь?

Камера переключается на мое окно. Лицо крупным планом. Режим «Спикер». Свет беспощаден. Кольцевая лампа, которую я купила неделю назад в надежде выглядеть живее, высвечивает каждую пору, каждую лопнувшую капиллярную сеточку в глазу. Под глазами — провалы фиолетового цвета. Кожа натянута на скулах так туго, что кажется прозрачной.

Я натягиваю профессиональную улыбку. Говорят, люди чувствуют фальшь. Мою они должны чувствовать кожей, как ожог от сухого льда.

— Логистическая цепочка действительно дала сбой на таможне, — мой голос звучит ровно. Слишком ровно, механически. Словно говорит синтезатор речи, прогоняя текст через фильтры. — Мы уже перенаправили партию через Минск. Задержка составит максимум сорок восемь часов. Компенсационные промокоды клиентам уже генерируются системой автоматически. Вопрос закрыт.

Артем одобрительно кивает, его красный галстук дергается, как язык змеи. Начальница, чье лицо занимает самый большой квадрат в углу, едва заметно расслабляет напряженные челюсти. Уголок ее рта ползет вверх на миллиметр. Я прошла проверку. Я произнесла правильные слова. Внутри же нарастает волна жара. Склеры глаз начинает печь, будто в них насыпали толченное стекло. В ушах появляется тонкий, высокочастотный звон, перекрывающий голоса коллег. Сейчас начнется. Приступ. Паническая атака на видеосвязи с топ-менеджментом — лучший способ завершить карьеру сегодня же, написав заявление по собственному желанию задним числом.

Я резко опускаю взгляд под стол. Делаю вид, что уронила ручку. Шарю по ламинированному полу в поисках несуществующего предмета. Давлю пальцами на ковер. Текстура жесткая, реальная. Земля под ногами. Я здесь. Я в офисе. В Москве. В душной коробке с искусственным воздухом.

Звон в ушах усиливается, переходя в ультразвук. Пространство комнаты начинает сужаться до размеров экрана ноутбука. Лица коллег растягиваются по горизонтали, становятся резиновыми, мультяшными. Их рты теперь занимают половину лица. Звук их голосов превращается в неразборчивый гул пчелиного улья, вибрирующий прямо в костях черепа.

— Кристина? — голос начальницы прорывается сквозь вату внезапно громко, словно она наклонилась к самому моему уху. — Ты с нами? Ты сказала про Минск, а дальше там была история с сертификацией...

Сердце пропускает удар. Тяжелый, глухой провал в пустоту. Затем оно бьет в ребра изнутри с такой силой, что становится физически больно дышать. Боль острая, кинжальная, локализованная слева. Я судорожно втягиваю носом воздух. Резко, со свистом. Еще раз. Пакет. Мне нужен бумажный пакет, гипervентиляция сожжет мои легкие дотла за пару минут, но в кармане брюк только пластиковая карта-ключ от офиса и смятый чек из аптеки.

Пальцы правой руки, той самой, что спрятана под столом, начинают жить своей жизнью. Они впиваются ногтями в бедро. Сначала это просто давление. Потом боль. Я сжимаю кожу так сильно, что ногти прокалывают плоть. Соленый вкус крови во рту — я прикусила щеку изнутри, пытаюсь сосредоточиться на физической боли, чтобы заглушить ментальную. Кровь стекает по десне. Настоящая. Теплая.

— Сертификация... — выдавливаю я. Горло сжато спазмом, слова выходят писклявыми. — Документы переоформляются. Поставщик берет вину на себя. Никаких доплат со стороны клиента.

Мой взгляд мечется по столу. Бутылка воды. Пластиковая, полупрозрачная. На стенках изнутри конденсат. Капли медленно стекают вниз. Я фокусируюсь на одной капле. Вот она сорвалась с ободка. Полет длиною в вечность. Шлеп. Упала на коврик для мыши. Разбилась. Центр управления полетом восстановлен. Сердце замедляется, хотя каждый удар отдается пульсацией в выбитом зубе.

Начальница удовлетворенно хмыкает.

— Хорошо, Каренина. Держи нас в курсе. Если что, эскалируй сразу на Артема. Следующий пункт — маркетинг.

Меня отпускают. Буквально. Луч проектора смещается на Ольгу, которая начинает тараторить про таргетированную рекламу. Экран с моим лицом уходит в нижний ряд, превращаясь в крошечный серый квадрат без звука.

Я закрываю глаза всего на секунду. Это фатальная ошибка.

Как только веки смыкаются, запах возвращается. Но теперь он не снаружи. Он исходит от моей собственной шеи. Запах прелой листвы и холодной болотной тины. Тот самый ледяной сквозняк снова скользит по коже.

Я открываю глаза.

Прямо напротив меня, на глянцевой поверхности монитора, отражается моя комната. Вернее, то, что *было* моей комнатой десять минут назад, пока я собиралась на работу.

В зеркале ноутбука, в черной бездне выключенного экрана, кто-то стоит.

Это девочка. Та самая, в ситцевом платье. Она стоит за моим креслом. Ее макушка едва достает до уровня моих лопаток. Волосы висят грязными сосульками, с них на бежевую обивку моего рабочего кресла капает черная вода. *Кап. Кап.* Каждая капля падает беззвучно для микрофона, но оглушительно для моего внутреннего уха. Платье потемнело от влаги, прилипло к хрупкому телу, очерчивая острые ключицы и тонкие ребра.

Она не смотрит на меня. Ее голова повернута к монитору. Она водит тонким бледным пальцем по моему отражению в камере Zoom. Водит медленно, изучающе, повторяя контур моей скулы.

Я боюсь пошевелиться. Если я дернусь, камера дрогнет. Коллеги увидят движение позади меня. Или решат, что у меня инсульт.

Ее палец останавливается на моем горле. Она нажимает сильнее. В виртуальном мире ее палец проходит сквозь пиксели моего изображения и упирается в мою реальную сонную артерию. Я чувствую ледящее давление. Физическое, невозможное давление холода сквозь интернет-соединение.

«Ты надела мое горло», — звучит в голове тот же скрежещущий голос. — *«Оно тебе велико»*.

Изображение на экране Артема замирает. Связь виснет. Зелененький индикатор загрузки крутится посреди его красного галстука.

Это шанс. Единственный шанс спасти рассудок, не сходя с ума на глазах у всех.

— Извините, — говорю я в пространство, стараясь смотреть строго в зеленый кружок камеры, а не в черный экран внизу. Голос предательски дрожит. — Мне очень плохо. Кажется, температура. Я... я сейчас упаду.

Никто не успевает ответить. Я свободной рукой — пальцы все еще сведены судорогой на бедре — бью по кнопке завершения вызова. Красный телефон.

Экран гаснет.

Тишина обрушивается на меня звуковой волной, вышибая барабанные перепонки. Только шум системного блока и тихий, ритмичный стук капель о ткань офисного кресла.

Я вскакиваю, отталкивая кресло. Оно откатывается назад, врезаясь колесиками в тумбу. Вода с платья девочки разбрызгивается веером, оставляя темные пятна на светлом ковролине офиса.

Кабинет пуст. Я одна. Дверь заперта на ключ изнутри.

Я подбегаю к большому ростовому зеркалу на дверце встроенного шкафа, которое использовала утром, чтобы проверить, достаточно ли мертвенно я выгляжу для совещания.

Там стою я. И там стоит она.

Нас разделяет лишь слой серебра. Она вплотную прижалась к стеклу с той стороны. Ее ладони распластаны по поверхности точно напротив моих. Глаза в глаза. Расстояние — ноль миллиметров.

У нее нет зрачков. Белесая мутная пелена катаракты заполняет всю радужку. Так выглядят глаза утопленников, пробовавших в воде несколько дней.

Ее губы раздвигаются в улыбке. Зубы мелкие, редкие, слишком острые. Между ними застрял кусочек черного ила.

— Оставь меня, — шепчу я своему двойнику. Губы не слушаются, онемели. — Тебе нужна мать. Я не твоя мать.

Девочка в зеркале прижимается к стеклу всем телом, становясь плоской, двумерной картинкой. Ее рука — ледяная, прозрачная — меняет угол. Теперь ее указательный палец направлен не на меня. На мою переносицу. Она медленно ведет им вниз, прочерчивая линию по моему носу, губам, подбородку. Я чувствую каждое касание. Шершавое, влажное, холодное. Как прикосновение дохлой рыбы.

Когда ее палец доходит до ямочки на моем подбородке, зеркало идет трещиной. Тонкой, ветвистой, похожей на молнию с потолка моей спальни. Звук бьющегося стекла режет слух, хотя поверхность остается целой. Отражение распадается на сотни острых осколков-фрагментов. В каждом из них — часть ее лица. Улыбающиеся глаза. Оскаленный рот. Капающая вода.

— Ты пришла в мой дом, — произносят сотни ртов одновременно.

Звук бьющегося стекла продолжает стоять в ушах, хотя в реальности тишина абсолютна. Я зажмуриваюсь, зажимая уши ладонями.

Когда я открываю глаза, я сижу на полу в своем кабинете. Затылок пульсирует болью — видимо, упала вместе с креслом. Передо мной лежит перевернутый стул. На стене напротив — дорогое дизайнерское зеркало в полный рост. Идеально гладкое. Целое. Чистое. Ни единой капли воды. Ни единой трещины.

Только на бежевом ковролине вокруг того места, где стояло кресло, расплзается огромное темное пятно. Вода просочилась сквозь ворс, испортила дорогую подложку. Пятно имеет четкие очертания маленькой человеческой фигуры, сидящей на корточках.

Я отползаю от него, пачкая брюки и ладони. Добираюсь до двери, поворачиваю замок. Выбегаю в коридор бизнес-центра. Здесь пахнет кофе из автомата, озоном и чужим успехом. Нормальные человеческие запахи.

Но когда я смотрю на свои руки, которыми только что опиралась о пол, под ногтями запекся черный ил. Сухой, хрустящий. Смешанный с пылью ковролина.

Я добегаю до женского туалета, врываюсь в самую дальнюю кабинку и долго, мучительно опустошаю желудок. Меня выворачивает наизнанку кислотой, спазмами и последними остатками человеческого достоинства.

Смываю воду. Смотрю на свое лицо в тусклом зерке над раковиной.

Нервный тик вернулся. Левый уголок верхней губы мелко-мелко дергается вверх, обнажая краешек зуба. Звериный оскал.

Я включаю ледяную воду на полную мощность. Набираю ее в ладони и с размаху бью по лицу. Раз, другой, третий. Пока кожа не начинает гореть огнем, вытесняя холод могилы.

Вытираюсь жесткой бумагой. Достаю из сумки кошелек. Кредитка. Ключи от машины. Телефон разбит, связи нет.

Я больше не вернусь в этот офис. Никогда. Пусть увольняют по статье. Пусть списывают долги. Моя карьера менеджера среднего звена закончилась в тот момент, когда призрак шестнадцатилетней утопленницы решил примерить мое отражение.

Я выхожу из туалета, прохожу мимо стеклянных дверей переговоров, игнорируя удивленные взгляды охранника. Нажимаю кнопку лифта.

Мне нужно уехать из города. Куда угодно, где нет зеркал, офисных кресел и логистики кофейных зерен. Где стены сделаны из дерева, которое умеет хранить секреты, а не из бетона, который отражает только твою собственную смерть.

Двери лифта открываются. Я шагаю внутрь. За моей спиной, в конце пустого коридора, на долю секунды сгущается воздух. Маленькая фигурка машет мне рукой. Вода с ее платья мгновенно испаряется, превращаясь в облачко пара, как только касается теплого воздуха офиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.